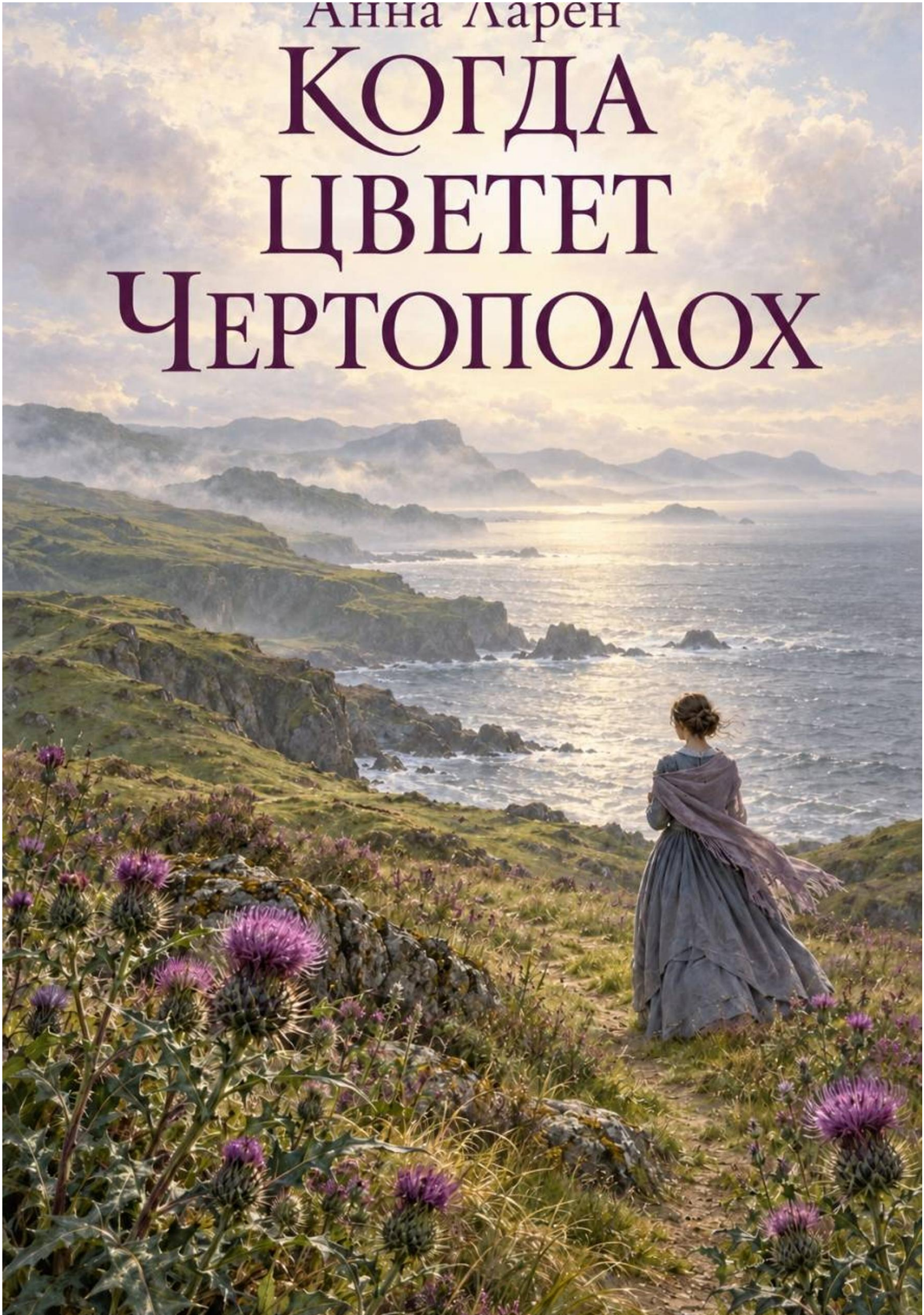
Анна Ларен

Когда цветет Чертополох

Анна Ларен

Когда цветет чертополох

«Автор»
2026

Ларен А.

Когда цветет чертополох / А. Ларен — «Автор», 2026

Англия, середина XIX века. После смерти отца Элизабет Харт находит новый дом в семье сэра Эдварда Эллингтона. Проходят годы, и робость перед строгим опекуном сменяется любовью, которую повзрослевшая Бетти считает безответной.Лондонский сезон обещает ей блестящее будущее, а внимание молодого джентльмена — возможность забыть несбыточную мечту. Но Эдварду всё труднее скрывать ревность за привычной заботой. Он умеет распоряжаться чужими судьбами, однако не решается открыть собственное сердце. Пока оба молчат, недоразумения становятся обидами, а надежда уступает место решениям, способным разлучить их навсегда.

© Ларен А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Конец ознакомительного фрагмента. 15

Анна Ларен
Когда цветет чертополох

Глава 1

1

Утро снова выдалось туманным, и Эллингтон в очередной раз подумал, что отдал бы полжизни, чтобы перебраться в какое-нибудь более приятное место, чем Англия с ее сыростью и мрачной беспросветной мглой. Полжизни – весомый срок, потому такие мысли не посещали его в ясные дни. Но сегодня явно собирался пойти дождь. Эллингтон родился здесь, здесь вырос, но это не мешало ему мечтать сейчас о солнечном побережье и теплом ветерке. Расстояние от Грин-Хауса до Лондона было небольшим, потому он не взял экипажа, а поехал верхом, однако теперь был вынужден пожалеть об этом: промозглый весенний ветерок пробирал до костей. Буланый резво нес его вперед, разбрасывая копытами комья грязи. Эллингтон постарался сосредоточиться на дороге, которую было плохо видно из-за никак не поднимавшегося тумана, и развлечь себя мыслями о скорой чашке горячего кофе. Или даже чего-нибудь погорячее. Но, как обычно, он не удосужился известить слуг о своем прибытии, потому едва ли мог надеяться на завтрак, что отнюдь не добавляло ему хорошего настроения.

Слуги, как ни удивляло это Эллингтона, все же любили его. За что? Он не обращался с ними как-то особенно хорошо, а уж внимательным его не назвала бы и собственная мать. Это миссис Эллингтон вела специальный дневничок, в котором были педантично записаны дни рождения каждого лакея. Впрочем, у Эдварда было много других, гораздо более важных дел, и дела эти свалились на него разом десять лет назад после неожиданной, и тем более ошеломляющей смерти отца. Конечно, он был гораздо старше матери, и проблемы с сердцем покойного Эллингтона ни для кого не являлись секретом, однако, попрощавшись с домочадцами вечером, утром он уже не смог подняться, а к обеду умер, едва дождавшись врача. И это событие надолго внесло в дом Эллингтонов настоящий хаос. Эдвард поморщился – он чрезвычайно не любил вспоминать о тех годах, большей частью потому, что еще слишком хорошо помнил, каким наивным был и как глупо выглядел в свои восемнадцать, впервые столкнувшись с многочисленными кредиторами, внезапно нашедшимися дальними родственниками и прочими охотниками до чужого горя.

Сейчас Эдвард был другой. Это десятилетие не прошло даром – взвалив на широкие плечи заботу о доме и семье, он уже не мыслил свою жизнь как-либо иначе. Эллингтоны владели многим, и эти земли, предприятия – все требовало непрестанного внимания. Даже при том, что Эдвард чрезвычайно ответственно подходил к выбору своих управляющих. Он вспомнил Саммерса, хозяйничающего в Грин-Хаусе, и не смог удержаться от улыбки: как раз там вполне можно было обойтись и вовсе без управляющего. Слишком уж пристальным вниманием окутала свое имение миссис Эллингтон, искренне любившая Грин-Хаус и больше всего переживающая за его благополучие.

Как раз в пору этих мыслей впереди из тумана показались первые постройки близ Лондона, и Эдвард пришпорил коня, надеясь до дождя добраться домой.

Вообще-то он не собирался в столицу до июня, предпочитая лично контролировать дела, неизбежно возникающие весной у всех, имеющих хоть сколько-нибудь земли, однако обстоятельства сложились таким образом, что приезд его стал неизбежен. И причиной тому послужило известие о гибели мистера Харта – когда-то лучшего друга покойного отца Эллингтона. И Эдвард мог проклинать погоду, размытую дорогу и судьбу, однако чувство долга всегда стояло для него на первом плане, так что порою его мать не случайно говорила, что именно эта

особенность и лишает счастья ее единственного сына. Говорить-то она говорила, но всегда в отсутствии Эллингтона, ибо знала, что он непременно рассердится, ибо почитал долг главенствующим мотивом любых поступков.

Он не часто сердился. А радовался еще реже. Чаще всего лицо Эдварда не выражало ничего, кроме серьезной задумчивости. Ему было всего двадцать восемь, но выглядел он старше. Возможно, как раз потому, что был средним ребенком в семье и потерял отца, едва достигнув более-менее сознательного возраста. И потому очень рано взял на себя ответственность за семью, которой нисколько не тяготился, однако почитал семейные интересы важнее собственных и в соответствии с этим строил уклад своей жизни и распоряжался своим временем.

Мать его, вдова, жила с ним и младшей дочерью в Грин-Хаусе, а старшая сестра, пять лет назад вышедшая замуж за члена Палаты общин и ставшая миссис Гэртон, в Лондоне. Эдварду пришла в голову мысль остановиться у нее, а не в своем лондонском доме, где сейчас наверняка неуютно, но он быстро отказался от нее. Как ни любил он сестру, но более всего не хотел становиться обузой или ставить кого-то в неловкое положение. А девять утра – слишком рано для визитов. Тем более в дом Гэртонов, которые обычно вели бурную светскую жизнь и не менее пяти дней в неделю возвращались домой далеко за полночь. Для самого Эллингтона такой уклад жизни был поистине мучительным. Он не любил суету, общество и отсутствие домашнего уюта, потому старался, чтобы его вовлекали во все это как можно реже, в чем довольно-таки преуспевал, практически весь год проводя в имении и выбираясь оттуда только после долгих уговоров матери и старшей сестры. Младшая, Кэтрин, была еще мала и робка в отношениях с братом, которого считала едва ли не существом из какого-то иного, непонятного ей мира. Эдварду же младшая сестра представлялась чем-то неопределенным в рюшах и бантах, недавно уже выпорхнувшим из детской, но еще не освоившимся в гостиной.

Дома его ждали записка и пригласительная карточка. Записку послала сестра. Дайана Гэртон сообщала, что их с мужем весь день не будет в городе, но вечером она очень надеется видеть его на благотворительном ужине у Синклеров. Карточка, соответственно, была от миссис Синклер. Эллингтон поморщился. Он приехал в Лондон с намерением побыстрее покончить с делом, которое так неожиданно на него обрушилось и теперь не давало жить спокойно, а не для того, чтоб расхаживать по гостям и развлекаться. Но не появиться у Синклеров означало огорчить сестру (огорчить миссис Синклер он бы не побоялся), и Эдвард смирился. В конце концов, в пансионе его ждут только завтра. Тихий стук в дверь вывел его из задумчивости. Горничная сообщила, что завтрак подан в малой столовой. Учитывая, что Эдвард приехал менее часа назад, повар проявил чудеса изобретательности. Эллингтон подумал о горячем кофе с бренди и поспешил спуститься.

Кофе и правда был чудесным. В остальном же день прошел совершенно бесполезно. Эллингтон расхаживал по дому, заложив руки за спину и не замечая любопытных взглядов прислуги. Руки ни за что не хотели браться, в голове неотступно сидела одна и та же мысль, и к вечеру Эдвард находился в совершенно мрачном расположении духа.

Он вошел в ярко освещенную залу в самом разгаре вечера, когда несколько пар уже кружились под начальные аккорды венского вальса, а остальные готовились к ним присоединиться. Порадовавшись, что пропустил всю официальную часть, Эллингтон быстро осмотрелся в поисках сестры и скоро действительно увидел ее. Но Дайана Гэртон стояла в окружении незнакомых ему дам, потому Эдвард помедлил. Конечно, лучше бы им увидеться наедине, однако такое едва ли возможно на благотворительном вечере.

Дом Синклеров нельзя было назвать одним из самых больших и богатых в столице, однако хозяева с лихвой компенсировали это количеством приглашенных. Такой толпе разодетых дам и джентльменов, казалось, не поместиться и в огромном зале Олмэкса. Ни один из трех каминов не горел, но и без того в помещении было слишком душно. Как они только

решаются пуститься танцевать в такой преисподней? Эллингтону на глаза попался расфуфыренный джентльмен в лиловом жилете и с платком, обвязанным вокруг шеи самым невообразимым образом. Эдвард поморщился и невольно окинул себя взглядом – едва ли его темно-серый фрак соответствует царящему здесь вкусу.

Дайана, казалось, и не помышляла заканчивать беседу, более того, взяла одну из дам за руку и что-то ей рассказывала. Подходить к ним Эллингтон все же не спешил. В его случае это означало бы неминуемое знакомство с дамами, а к женщинам, не принадлежавшим к его семье, Эдвард всегда относился подозрительно. Не то что бы он в целом избегал их общества, однако законы света диктовали определенную линию поведения, и на него, завидного холостяка, стремительно приближающегося к своему тридцатилетию, давно уже смотрели по-особенному как девушки на выданье, так и их более старшие и опытные родственницы. Женитьба же в обозримом будущем не входила в планы Эллингтона. Это означало нарушение всего уклада теперешней жизни, в первую очередь более частые приезды в Лондон, а, возможно, и жизнь в столице, как обязательно захочется молодой леди Эллингтон. Всем молодым леди хотелось одного и того же. Конечно, жениться – это тоже его долг, но его он исполнит позже. Как можно позже. А потому желательно, чтобы сестра сама заметила его и подошла поговорить без шлейфа разодетых дам.

Размышляя об этом и многом другом, он не слышал разговоров, что велись между двумя пожилыми кумушками прямо за его широкой спиной.

– Уж не сэр Эдвард ли это? – горячо зашептала миссис Харрис вдове Кимберли.

– Ну как же, он, точно он!

– Нечасто увидишь его в Лондоне.

–А вы не слышали! – в голосе вдовы послышались явные нотки самодовольства, так как она получила несравненно приятную возможность сообщить приятельнице последнюю новость. – Он здесь по чрезвычайно важному делу. Погиб друг их семьи, и сэр Эдвард по условиям завещания стал опекуном дочки погибшего. На днях он должен привезти ее из пансиона мисс Августы.

Миссис Харрис неприятно хихикнула и тут же, словно извиняясь, прикрыла рот веером.

–Хотела бы я посмотреть, как он будет справляться с ребенком. Да еще с девочкой. Он же совершенно нелюдимый!

–Ну, так не он же сам станет ее воспитывать. Натурально, отдаст на попечение своей матушке, а, если я не запамятовала, у миссис Эллингтон младшая дочка одних лет с бедняжкой сироткой.

Миссис Харрис хотела что-то возразить, но в этот самый миг музыка стихла, и ей пришлось прикусить язычок – уж слишком близко к ним стоял пресловутый сэр Эдвард.

Дайана, словно внемля его безмолвному призыву, и правда сама увидела брата и подошла с улыбкой на лице, очень похожем на лицо Эдварда, и не лишенном приятности. Но более всего красило ее выражение, которое Эллингтон называл про себя «Пришла и победила».

Дайана тронула рукав его фрака.

–Я знала, что ты придешь. И знала, что не удосужишься принарядиться.

–Не вижу смысла наряжаться тем, кто не принадлежит к толпе девиц на выданье. И потом, я надеюсь не задержаться здесь надолго. Где твой муж?

–Играет в вист. Потанцуем? – не дожидаясь его согласия, Дайана потащила брата в круг вальсирующих пар.

Увы, она давно уже уяснила, что в некоторых вопросах мнение брата спрашивать вовсе не обязательно, если не желаешь в ответ слышать отказ, и беззастенчиво пользовалась этим открытием.

Во время танца Дайана вглядывалась в сосредоточенное лицо Эдварда некоторое время, прежде чем спросить:

–Переживаешь?

–Я бы назвал это озабоченностью.

–Я бы помогла, но Джон во все поездки берет меня с собой… Ты уже нашел гувернантку?

–Этим занимается мама. Я отвезу ребенка в Грин-Хаус.

Дайана кивнула.

–Наверное, это правильно. Детство в деревне имеет свои прелести. Только не сади ее там под замок. Девочке нужно бывать в столице. Привози ее к нам хотя бы иногда. Сколько ей?

–Кажется, четырнадцать.

–Боже, да она скоро станет барышней! Непременно привози ее! Я обучу ее всем правилам поведения в обществе, а Джон поможет найти жениха-дипломата, – Дайана подмигнула брату.

Он не поддержал шутку.

–Боюсь, сейчас она не в самом радужном настроении. Мистер Харт умер меньше месяца назад. Надеюсь, в пансионе о ней хорошо заботились.

Леди Дайана высказала точно такую же надежду и всеми силами побуждала брата задержаться на вечере еще на некоторое время, что позволило бы ему дождаться Джона и поздороваться. Но Эллингтон попросил передать мистеру Гэртону тысячу извинений, однако задерживаться здесь более он не может. Потому, проводив сестру к остальным дамам, Эдвард, извинившись, направился к выходу. Уже сидя в экипаже, он вдруг почувствовал себя безмерно уставшим. Нестерпимо захотелось домой, в имение, в свой уютный и немного темный кабинет, где стоит такое замечательное старое и потому удобное кресло. Он попытался вспомнить, когда в последний раз читал что-то, за исключением деловых бумаг, и не смог. Экипаж покачнулся и тронулся, Эллингтон выглянул в окошко. Дом Синклеров сиял огнями, где-то за этими стенами танцует Дайана с мужем, и вернутся они опять под утро. Нет, такая жизнь не для него. Эдвард зевнул. Завтра предстоял нелегкий день, и ему хотелось выспаться.

Глава 2

Пансион мисс Августы находился неподалеку от Лондона, но, утопающий в зелени вековых деревьев, казался совершенно другим миром с другими законами и даже самим течением жизни. Проходя по узкой дорожке и оглядывая аккуратно подстриженные кустарники, еще не вошедшие в пору цветения, Эллингтон впервые, пожалуй, задумался, чем наполнены дни здешних жителей. На глаза ему попалась белка. Непуганый, видимо, зверек уставился на него черными бусинками глаз, словно спрашивая: «Кто ты, чужак? И зачем явился сюда?»

В пансионе мисс Августа проводила его в свой кабинет и попросила служанку привести девочку.

–Я рада, что вы забираете ее, сэр Эдвард, – морщинистое лицо директрисы было печальным, хоть она и улыбнулась. – У каждого ребенка должна быть семья.

–Как она провела здесь время?

–Лучше, чем можно было бы ожидать. Она почти не плакала. Правда, и не веселилась. Девочка стойко перенесла эту тяжкую утрату и смирилась с нею, как и подобает нам, смертным. Но Бетти не такой спокойный ребенок, каким может показаться на первый взгляд. В ней есть и живость характера, и изрядная доля упрямства. Правда, она многое переносит в себе. Не любит, чтоб ее жалели. Она вообще показалась нам старше своих лет. Бетти добрая девочка, сэр, не обижайте ее. Кто займется ее воспитанием?

–Моя мать. И гувернантка, разумеется.

Директриса согласно закивала головой.

–Это хорошо, хорошо. Женское общество пойдет ей на пользу, это несомненно. Что ж…

Она хотела что-то добавить, но в тот же миг послышался легкий стук в дверь.

–Войдите.

В комнату вошла служанка, ведущая за руку невысокую худенькую девочку.

–А вот и наша Бетти! – воскликнула директриса. – Элизабет, познакомься с сэром Эдвардом. Это твой новый опекун, отныне ты будешь жить в его семье.

–Здравствуй, Бетти, – Эдвард вложил в свой тон всю ласковость, на которую только был способен.

Не поднимая головы, девочка молча сделала книксен.

–Ну, что ж, вам пора. Вещи Элизабет собраны. Прощай, моя девочка.

И тут неожиданно Бетти кинулась на шею директрисе.

–О, мисс Августа, я вас никогда не забуду!

Глаза старушки подозрительно заблестели.

–И я тебя тоже, Бетти, я тебя тоже.

Эдвард почтительно стоял в стороне, не желая мешать этому прощанию. Сам он редко выражал свои эмоции, однако проявление некоторых чувств другими людьми вызывало в нем уважение, и это был один из таких случаев.

Нескоро Элизабет Харт отпустила директрису, но личико ее было на удивление спокойным. Она вопросительно взглянула на своего опекуна, и Эдвард кивнул ей:

–Идем, Бетти. Нам пора.

Они вышли из кабинета, спустились по лестнице и прошли по внутреннему дворику, вымощенному шлифованным камнем – высокий крепкий мужчина и худенькая девочка, казавшаяся рядом со своим спутником совсем малышкой. Он хотел было взять ее за руку, но личико Элизабет, опущенное к земле, было не разглядеть, и Эллингтон никак не мог придумать, что же ей сказать. Лишь однажды девочка подняла голову, чтобы оглянуться на утопающий в зелени пансион. Было далеко за полдень, но денек выдался пасмурным и неприветливым, потому

Эдварду все окружающее казалось серым: и здание пансиона, и холмы, и экипаж, и этот бедный ребенок.

В карете сэр Эдвард долго задумчиво наблюдал за скрывающейся с глаз каменной стеной пансиона и совсем забыл о Бетти, сидящей напротив. Когда же он наконец взглянул на нее, девочка дремала, облокотившись головой о спинку высокого сидения. Что-то совсем взрослое было в ее фигурке, в позе, которую она приняла. Так отдыхает безмерно измученный взрослый – напряженно, словно в каждый момент может что-то произойти. Эдвард подумал, что любой ребенок на ее месте уже давно бы свернулся калачиком на сидении. Но не Бетти. И внезапно, глядя на нее, Эллингтон представил, какою она станет через несколько лет – уже теперь проглядывало в Элизабет что-то женственное. Не кокетливое, нет, а именно женственное.

Лицо ее казалось бледным и измученным, и длинные черные ресницы, чуть трепетавшие от беспокойной дремы, оттеняли прозрачную бледность щек. Эдвард отвел глаза, внезапно почувствовав, как мучительно сжалось сердце. Он знал, каково это – остаться без отца в юном возрасте, но мать его была еще жива, в отличие от матери маленькой мисс Харт, умершей еще при родах, стало быть, девочка и не видела ее ни разу. Бедняжка! Нужно будет сказать матери, чтобы хорошенько о ней позаботилась.

Из-за распутицы они проехали не два, а три часа и почти добрались до имения, когда Элизабет очнулась. Сперва затрепетали ее ресницы, словно противясь пробуждению, а затем она распахнула глаза и вздрогнула всем телом. Эллингтон подумал, что девочка не сразу поняла, где находится. Элизабет поймала его сочувствующий взгляд и, покраснев, пошевелила тонкой шейкой, которая наверняка затекла.

–Почти приехали, – поспешил утешить ее Эдвард. – За тем поворотом начинается Грин-Хаус.

Казалось, только этих слов и ждала Элизабет. Она выглянула в окошко экипажа с таким понятным детским любопытством и порывистостью, что Эллингтон невольно улыбнулся. А когда из-за поворота и правда показались ворота и широкая дорога, ведущая к большому белому дому, глаза Бетти широко распахнулись и уже оставались таковыми до самого конца путешествия.

Лакей помог им выйти из экипажа, грум поспешил отвести лошадей в конюшню, Эллингтон с удовольствием потянулся, ощущая знакомые запахи дома и позвал девочку за собою. А когда Элизабет, словно не слыша его, никак не отреагировала, он с удивлением взглянул на нее и внезапно понял, насколько она поражена. Действительно, сам он всегда жил здесь, и все в Грин-Хаусе было привычным для него: и огромный дом с резными колоннами и витражами на втором этаже, и широкая, вымощенная камнем подъездная дорога, и разбитые вокруг в художественном порядке клумбы, и лакеи, грумы, прочие слуги, тотчас выскочившие на порог, чтобы встретить хозяина. Маленькая же Бетти выросла совсем в других условиях, гораздо более скромных, и открывшиеся виды наверняка показались ей едва ли не королевским дворцом. Эдвард поневоле ощутил в душе гордость – именно ему имение было обязано своим нынешним процветанием, и каждодневный его труд способствовал этому.

–Идем, Элизабет, – легко тронул он ее за рукав пальто. – У тебя еще будет время осмотреться.

Оказавшись в просторной гостиной, показавшейся Элизабет каким-то тронным залом, девочка растерянно остановилась в углу, не слыша ни приветствия дворецкого, ни слов ободрения сэра Эдварда. Она не знала, на чем остановить взгляд: на ряде восхитительных гобеленов, развешанных по дальней стене, или на причудливой лепнине, окружающей камин, или на обитых светло-голубым бархатом стенах. И, словно поняв ее состояние, Эдвард пожалел, что не продумал момент встречи, которую следовало провести в малой гостиной. Но тут на помощь пришла его деятельная матушка. Миссис Эллингтон приняла бедняжку очень тепло, с радушною улыбкой и ласковыми словами. Женщине в то время было много за сорок, и часть

былой красоты она утратила, однако с возрастом стала более мягкой и спокойной, нежели была в юности. Будучи молодой, она не так много внимания уделяла старшим детям, во многом из-за убеждений супруга, считавшего самостоятельность едва ли не главной целью воспитания, теперь же всю свою нерастраченную любовь стремилась отдать младшей, Кэтти. И вполне резонно было бы предположить, что Элизабет весьма скоро может заслужить со стороны миссис Эллингтон такое же горячее расположение, тем более что была она, по словам мисс Августы, благодаря стараниям ныне покойного мистера Харта, девочкой милой, доброй и воспитанной.

Едва оправилась бедняжка от избытка новых впечатлений, едва оглядела она величественную гостиную Грин-Хауса, так непохожую на гостиную прежнего весьма скромного дома семейства Харт, едва переборола смущение при виде столь важной дамы, как миссис Эллингтон, как взор ее остановился на тихой светловолосой девочке, стоявшей за спиной матери и с любопытством смотревшей на неожиданную гостью.

–Ну же, Кэтти, - слегка подтолкнула ее миссис Эллингтон. – Подай же руку нашей новой родственнице.

Кэтти робко протянула руку, Элизабет не менее робко и с благодарностью ее сжала, девочки улыбнулись друг другу – и с той самой минуты показались первые ростки долгой и крепкой будущей дружбы. Кэтрин проводила все свое время в обществе немолодой гувернантки да матери и была несказанно рада появлению в доме сверстницы. Бетти же была попросту одинока. Две души потянулись друг к другу и вскоре соединились, не встречая преград. Порою можно только удивляться, как быстро зарождается теплое чувство между двумя приятными друг другу людьми. Кэтрин была молчалива по своей природе, Элизабет – от постигшего ее несчастья, но к концу дня они настолько подружились, что о чем-то шептались без умолку у камина, пока мадам Эжен – гувернантка – не проявила всю свою настойчивость, чтобы уложить их в постели.

Когда девочки удалились, сэр Эдвард с матерью расположились в гостиной за вечерним чаем, и миссис Эллингтон первая завела разговор о переменах, наступивших в их доме.

–Я поручу Бетти заботам мадам Эжен, если ты не против, конечно. Думаю, особых хлопот это не вызовет.

Эдвард согласно кивнул.

–Я нашла, что Бетти премилое дитя, хоть глазки у нее и печальные, но оно и понятно – столько вынести за последнее время. Бедняжка! Ты заметил, как быстро сошлись они с Кэтти? Это, несомненно, к лучшему. Если только… Если у Элизабет нет дурных наклонностей, которые пока от нас скрыты.

–Не думаю. Насколько мы знали мистера Харта, этого нельзя и предположить.

–Все же девочка долгое время была лишена общества женщины, которая могла бы помочь ей и наставить на верный путь. Конечно, у нее был отец, гувернантка, однако это совсем не то… Вы, мужчины, неспособны выразить какие-либо теплые чувства по отношению к ребенку. По крайней мере, в необходимом количестве.

–Надеюсь, вы исправите этот недостаток, мама.

–Я сделаю все, что будет в моих силах, в этом можешь быть уверен. Но скажи мне, я должна знать – отчего в завещании ее отец указал тебя опекуном, хотя у девочки есть старший брат почти одних с тобою лет?

Эдвард задумчиво посмотрел на дверь, так, словно бы ушедшие с гувернанткой девочки могли слышать следующие его слова, и тихо сказал:

–Насколько мне известно, Джастин Харт пасынок мистера Харта. И тот не особенно надеялся на благоразумие и честность молодого человека в вопросах благополучия Элизабет. Не имею желания пересказывать чужие сплетни, однако сэр Джастин весьма вольно ведет себя в

вопросах…скажем, в вопросах морали. И потом, за Элизабет есть приданое, не вполне достаточное, но все же…

–Я поняла, – словом и жестом прервала его мать, видевшая насколько тяжело даются Эдварду слова пояснения. – Только возникает опасение…не будет ли подобное поведение родственника в дальнейшем пагубно сказываться на репутации девочки.

–Уверяю вас, мама, как только весь свет узнает, в чьем доме сейчас воспитывается Элизабет, ее раз и навсегда станут причислять именно к нашему семейству.

–Как того и хотел мистер Харт, – осторожно сказала мать.

–Он был хорошим человеком, - заметил Эдвард. – Одним из немногих, кого я мог бы назвать настоящим другом отца. И нет ничего удивительного, что он желал для своей дочери участи более счастливой, нежели для своего пасынка. Отныне Элизабет член нашей семьи.

На том и порешили. Миссис Эллингтон еще немного расспросила сына о Дайане, которую он видел в столице, а затем пожелала доброй ночи и отправилась спать. А вскорости и Эдвард последовал ее примеру.

Миссис Эллингтон долго еще не могла уснуть, сомневаясь, правильно ли поступила, оставив в первую же ночь Элизабет одну в комнате. Не будет ли ребенку одиноко в незнакомом месте? Она хотела даже было поселить Бетти в спальне Кэтрин, но благоразумие взяло верх над сердобольностью. В конце концов, им только предстояло узнать эту худенькую девочку с темными печальными глазами.

Элизабет тоже не спала. Миссис Эллингтон напрасно беспокоилась – одиночество никогда не пугало девочку. Бетти была наделена живым богатым воображением и всегда могла занять свои мысли. В ту ночь она думала о белом доме с резными колоннами и чудным садом. Возможно, она сможет полюбить здешних обитателей. Возможно, и они смогут полюбить ее. Это было бы замечательно, потому что сам дом уже прочно вошел в ее сердце.

Глава 3

Грин-Хаус и правда поразил Бетти с первого взгляда и навсегда. Много позже она нередко вспоминала, каким впервые увидела его, и считала, что вряд ли какой-то другой дом сможет произвести на нее подобное впечатление. Она знала, конечно, что сэр Эдвард много богаче ее покойного отца, однако не подозревала, что это выражается в подобных масштабах. Прежний дом их в Лондоне был мал и стар, там постоянно бегали мыши, несмотря на все старания их экономки, и пахло плесенью даже в самые жаркие и сухие дни. Когда мисс Августа говорила ей о большом доме, в котором ей предстоит жить со своей новой семьей, Элизабет почему-то представляла серый замок с пиками и флагами на этих пиках – никогда еще прежде не приходилось ей бывать в чьем-либо загородном имении, и потому светлый, просторный дом Эллингтонов, словно сошедший с картинки, сразу влюбил ее в себя.

Здесь не было ничего от Лондона с его пыльными душными улицами и утренними криками молочников. Здесь не нужно было беспокоиться, выходя из дома, чтобы какой-нибудь не слишком ловкий и еще более невнимательный извозчик не выскочил на тебя из-за угла. Свежесть сквозила в самом воздухе, накапливаясь в каждом зеленом листе, чтобы потом сама собою влиться в легкие. Это было чудесно.

Первые дни своего пребывания в Грин-Хаусе Элизабет большей частью проводила время с Кэтрин или сидела у окна малой гостиной, откуда открывался вид на холмы, простирающиеся позади дома. Пейзаж этот едва ли можно было назвать особенно красивым, однако что-то в нем притягивало взор, и Бетти часами могла сидеть, не шелохнувшись, гадая, какая же птица кружит над дальним лесом.

Здесь однажды и обнаружил ее Эллингтон. Бетти сидела задумавшись, потому обнаружила его присутствие не сразу и от неожиданности испуганно соскочила с подоконника.

– Нет, нет, не бойся.

Эдвард посмотрел на скромно потупившуюся девочку в новом белом платье. Наряд был явно немного велик ей, но это дело поправимое, стоит лишь полюбить лимонные кексы да булочки кухарки.

– Как тебе этот дом? Нравится?

– Да, сэр.

– Что ж, я рад, – улыбнувшись девочке, Эллингтон направился по своим делам, а Бетти еще долго стояла и смотрела ему вслед.

Кэтрин была рада новой подруге. Точнее будет сказать, Элизабет была для нее пока что единственной подругой. Кэтти не помнила отца, искренне любила свою мать и безмерно уважала брата, но в ее душе все равно жил некий страх перед взрослыми членами семьи, а эта девочка, одновременно скромная и живая, казалась притягательной именно своей непохожестью ни на кого в Грин-Хаусе. Кэтрин была робка. Элизабет тоже, но скорее не по природе своей, а лишь по причине вынужденного нахождения в чужом доме. Кэтти большей частью молчала, Бетти же была готова щебетать весь день. Кэтти иногда казалось, что она мешает, так что девочка старалась не влезать в разговоры и не мешаться под ногами без особой на то причины. Бетти, напротив, как будто всегда и всюду была на своем месте, на кухне ли, в столовой или в гостиной. Она хорошо чувствовала людей, и, бывало, предугадывала просьбы миссис Эллингтон, которая просила называть ее тетя Маргарет, еще до того, как она успевала выразить их словами.

К Элизабет скоро привыкли. Девочка раскрылась, и ее живой острый ум, доброта и некая непосредственность очаровывали. То там, то здесь слышался ее веселый смех, и под влиянием Бетти даже Кэтрин необычайно оживлялась, соглашаясь на немыслимые доселе проделки. Впрочем, Элизабет никто не решился бы назвать сорванцом. Даже сидя на толстой ветке

старого дуба, того, что рос уж не одну сотню лет на самой границе имения, Бетти каким-то непостижимым образом ухитрялась выглядеть аккуратно и весьма поэтично, как и приличествует юной леди. Никакие пятна не нарушали белизны ее платьев, только румянец да неровное дыхание выдавало девочку после пробежки по саду или лазания по деревьям. Кэтрин украдкой завидовала подруге, у нее самой все всегда читалось на лице, так что бесполезно становилось и пытаться скрыть что-либо от матери или мадемуазель Эжен.

Миссис Эллингтон пыталась держать сироту в строгости, но природная доброта и мягкость неизменно брала верх, тем более не могла она сердиться на выходки Элизабет, потому что и выходки-то эти были безобидными, обычными для детей такого возраста.

Миссис Эллингтон и слышать не хотела о каких-либо школах или пансионах, она всей душой выступала за домашнее образование. Превосходно владея итальянским и французским, языкам она учила девочек сама, для всего остального же приглашены были учителя. Кэтти выказывала гораздо больше прилежности, зато Бетти неизменно удивляла педагогов необычайными высказываниями и смелыми предположениями.

Из всей прислуги Элизабет ближе всего сошлась с экономкой миссис Хоуп. Это была маленькая круглая женщина неопределенных лет с добрым и живым лицом, испещренным сеткой мелких морщинок. Несмотря на кажущееся добродушие, миссис Хоуп была безжалостна в том, что касалось денег на содержание имения, и каждый лакей, каждая горничная знала: если хочешь работать в Грин-Хаусе, даже не думай вставать позже пяти утра.

Миссис Хоуп уважали все домочадцы, особенно миссис Эллингтон, считающая ее своей правой рукой. Благодаря этим двум женщинам, да еще управляющему Саммерсу, Эдвард мог быть вполне спокоен за свое родовое имение и уделять больше внимания другим делам.

У миссис Хоуп не было собственных детей, и девочки Эллингтонов стали для нее настоящей отрадой. Особенно Бетти. Кэтти она словно побаивалась, порой не понимая, что у той на уме. Элизабет с ее прямотой и открытостью была экономке более понятна и потому более близка.

Порой она покрывала мелкие выходки Бетти, к примеру, полуночное гуляние к пруду, чтобы проверить, действительно ли там живут эльфы. Кэтрин, разумеется, отказалась от подобного путешествия и все это время тряслась за Бетти, тихонько стоя у окна своей спальни, которое как раз выходило на тропинку к пруду. Лягушка в постели мадемуазель Эжен тоже появилась совсем не случайно. Нет, Бетти ничего не имела против их гувернантки, просто мадемуазель так смешно кричит… Конечно, миссис Эллингтон догадалась, чьих это рук дело, и даже заперла Элизабет в комнате, оставив без ужина (зная, впрочем, что и Кэтти, и миссис Хоуп приберегут для нее лакомые кусочки). Эллингтон же был не посвящен в эти чисто женские, как говорила миссис Эллингтон, дела, и за это Элизабет была ей благодарна.

Пожалуй, единственным человеком в Грин-Хаусе, который вызывал еще в Элизабет робость, был сам Эллингтон. Завтракали они обычно вчетвером с миссис Эллингтон и мадемуазель Эжен в малой столовой, а вот обед в те дни, когда сэр Эдвард был дома, подавали в большом зале и непременно в его присутствии. В эти минуты Бетти становилась непохожа на себя: сидела, как Кэтти, не смея поднять глаз от тарелки, однако внимательно прислушивалась к разговору. Эллингтон пугал ее и одновременно вызывал любопытство. Она хорошо помнила отца – сутулого, тихого и доброго, но какого-то неизмеримо старого. Помнила и сводного брата, с его развязными манерами и цепким неприятным взглядом. Эллингтон был другой – высокий, строгий, всегда чем-то занятый. Бетти на пальцах одной руки могла пересчитать случаи, когда заставала его просто читающим книгу. Дела имения представлялись ей смутно, но она уже знала, что за советом здесь шли к нему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.